

Киевские консервативные публицисты о проблемах образования в позднеимперской России

А. Э. Котов, Д. А. Федоров

Для цитирования: Котов А. Э., Федоров Д. А. Киевские консервативные публицисты о проблемах образования в позднеимперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 875–889. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.404>

Вопросы образования традиционно занимали одно из ведущих мест в дискурсе русского консерватизма XIX в. Представители самых разных его направлений (славянофильского, «катковского», сословно-аристократического) регулярно подчеркивали, что в этой сфере лежит ключ к разрешению большинства стоявших перед страной проблем: необходимости развития страны и в то же время «охранения» не только существующего политического режима, но и исторической преемственности, национальных и духовных ценностей. Объектами критики консервативных публицистов были, как правило, новые веяния в образовательной сфере. Однако методы борьбы с ними виделись разным консерваторам совершенно различными. Победила в итоге программа М. Н. Каткова, подразумевавшая распространение классической модели средней школы и трансформацию университетов по германскому образцу. Однако она вызывала серьезные возражения и в консервативных кругах. Меньше всего споров вызывало положение начальной школы, которую большинство консерваторов традиционно стремилось связать с православным духовенством. Играла свою роль и региональная специфика, в рамках которой образовательная проблематика переплеталась с национальной: на западных окраинах университет и школа воспринимались как инструменты борьбы с «полонизмом». В то же время одним из первых требований украинофилов стало школьное обучение на «малороссийском наречии». С этим активно вели борьбу издания «русского направления», прежде всего «Московские ведомости» и «Новое время». Крупнейшая региональная консервативная газета «Киевлянин», ос-

Александр Эдуардович Котов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.kotov@spbu.ru

Aleksandr E. Kotov — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.kotov@spbu.ru

Дмитрий Андреевич Федоров — аспирант, лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; DA.Fedorof@yandex.ru

Dmitrij A. Fedorov — Graduate Student, Research Laboratory Assistant, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; DA.Fedorof@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00073-П «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.».

This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 19-18-00073-P “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th–20th Centuries”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

нованная В. Я. Шульгиным, и при его преемнике Д. И. Пихно в целом следовала их программе, однако занимала особую позицию по образовательным вопросам, проявляя при этом значительную степень самостоятельности и даже либерализма. Последнее было не только следствием личной позиции редакторов. Публицистика «Киевлянина» отражала воззрения сформировавшегося в пореформенном Киеве круга русской националистической интеллигенции. Он сумел помочь власти с решением задачи «деполонизации» Юго-Западного края, но сыграл не последнюю роль в последующих великих потрясениях.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, университетский вопрос, церковно-приходские школы, реформы образования, Пихно, Шульгин, Катков, «Киевлянин», западные окраины, Украина.

Kievan Conservative Journalists on the Problems of Education in Late Imperial Russia

A. E. Kotov, D. A. Fedorov

For citation: Kotov A. E., Fedorov D. A. Kievan Conservative Journalists on the Problems of Education in Late Imperial Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 4, pp. 875–889. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.404>

Educational issues traditionally lay in the centre in the discourse of the Russian conservatism in the 19th century. Representatives of its different trends (Slavophiles, Katkov's followers, aristocrats) regularly emphasized that this sphere was the key to resolving most of the problems the country faced: the necessity to develop the country and at the same time to “protect” — not only the existing political regime but also the historical continuity, national and spiritual values. The objects of criticism of conservative publicists were, as a rule, new trends in the educational sphere. However, the methods of dealing with them were perceived differently by different conservatives. In the end, the program of M. N. Katkov, which implied the spread of the classical model of the secondary school and the transformation of universities according to the German model, won. However, it aroused serious objections in conservative circles as well. The elementary school, which most conservatives traditionally associated with the Orthodox clergy, caused the least controversy. Regional specifics also played their role: educational issues were intertwined with the national ones as in the western periphery university and school were perceived as tools of combating “Polonism”. At the same time, one of the first demands of the Ukrainophiles was schooling in the “Little Russian dialect”. The press of the “Russian direction” actively opposed this — first of all, “Moskovskie Vedomosti” and “Novoe Vremia”. The largest regional conservative newspaper “Kievlianin”, founded by V. Ya. Shulgin, generally followed their program under his successor D. I. Pikhno but took a special view on educational issues, while showing a significant degree of independence and even liberalism. The latter was not only a consequence of the personal position of the editors. Publicism of “Kievlianin” reflected the views of the circle of Russian nationalist intelligentsia formed in post-reform Kiiiv who managed to help the authorities solve the problem of “de-Polonization” of the Southern-Western territory but played a role in the subsequent great upheavals.

Keywords: conservatism, nationalism, university question, parochial schools, education reforms, Pikhno, Shulgin, Katkov, “Kievlianin”, western outskirts.

Вопросы образования традиционно занимали одно из ведущих мест в дискурсе русского консерватизма XIX в. Представители самых разных его направлений (славянофильского, «катковского», сословно-аристократического) регулярно подчеркивали, что именно в этой сфере лежит ключ к разрешению большинства

стоявших перед страной проблем: необходимости ускоренного развития страны и в то же время «охранения» не только существующего политического режима, но и исторической преемственности, национальных и духовных ценностей.

Объектами критики консервативных публицистов были, как правило, новые веяния в образовательной сфере, отнюдь не сводившиеся к пропаганде дарвинизма и якобы подрывавших церковное учение естественно-научных знаний. Наиболее активно русские консерваторы боролись с так называемой «полунаукой» — поверхностной образованностью, пренебрегающей глубокими знаниями и принципами, превращающей человека в объект политических манипуляций. Тема эта регулярно звучала в антинигилистических романах Ф. М. Достоевского и Н. С. Лескова, в публицистике К. П. Победоносцева, Л. А. Тихомирова, П. П. Цитовича, М. Н. Каткова и его сподвижников¹. Особенно ярко обрисован образ «полунауки» в басне И. Г. Кулжинского, в которой лесные «дикие звери», погнавшись за «принципами новыми и великими», отказались от «старины» и воспитали из своих детей «скотов»².

Однако методы борьбы с «пропагандой бестиации»³ виделись разным консерваторам совершенно различными. Победила в итоге, как мы знаем, программа М. Н. Каткова, подразумевавшая распространение классической модели средней школы и трансформацию университетов по германскому образцу. Получившая репутацию консервативной контрреформы, своими творцами и большинством современников она воспринималась как подражание лучшим западным образцам, и еще в 1870-х гг. ее концепция подвергалась критике именно за свою подражательность⁴. В консервативных кругах сама катковская модель школьного классицизма вызывала сомнения. Так, Д. И. Иловайский видел в ней одну из причин упадка патриотического духа в школе⁵, а кн. В. П. Мещерский настаивал на том, что основой подлинного классицизма должны быть не древние языки, но преподавание физкультуры⁶. Пожалуй, меньше всего споров вызывало положение начальной школы, которую большинство консерваторов традиционно стремилось связать с православным духовенством⁷.

Играла свою роль и региональная специфика, в рамках которой образовательная проблематика переплеталась с национальной⁸. Так, для западнорусских окраин особенно актуальна была проблематика начальной школы, которая должна была стать инструментом возрождения там русского национального духа и освобождения местного простонародья от «гнета полонизма». Однако здесь у «русского направления» появился новый конкурент: одним из первых требований нарождавшегося украинского национализма стало преподавание в начальных школах Юго-За-

¹ Kotov A. E. The Problem of Nihilism in the Conservative-Democratic Discourse of the 1860s–1890s // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52, issue 2. P. 695–701.

² Кулжинский И. Г. Новые современные басни. Киев, 1866. С. 5–6.

³ Де-Пуле М. Ф. Нигилизм как патологическое явление русской жизни. М., 1881. С. 52.

⁴ Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016. С. 91–134.

⁵ Иловайский Д. И. По вопросам преподавания истории // Иловайский Д. И. Мелкие сочинения, статьи и письма. 1857–1887 гг. М., 1888. С. 55–56.

⁶ Дневник // Гражданин. 1888. 5 января. № 5. С. 3

⁷ Смирнов В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М., 1954.

⁸ Подробнее см.: Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под общ. ред. А. Т. Урушадзе. Ростов н/Д, 2020.

падного края на «народном» «малороссийском наречии»⁹. Именно это требование стало одним из главных предметов критики со стороны М. Н. Каткова, увидевшего в нем попытку лишить местную молодежь одного из наиболее эффективных социальных лифтов¹⁰. Борьбу Каткова с «украинофильством» в целом поддержали и региональные периодические издания: прежде всего, газета «Киевлянин», выходящая при поддержке администрации Юго-Западного края и под лозунгом «Этот край русский, русский, русский»¹¹. В редакции «Киевлянина» принимали участие профессора Киевского университета, что во многом и обуславливало повышенный интерес газеты к вопросам образования.

Однако, следуя в общих чертах программе «Московских ведомостей», основатель и редактор «Киевлянина» В. Я. Шульгин нередко расходился с Катковым по конкретным региональным вопросам. Полемизировал «Киевлянин» с московскими консерваторами и по вопросу о начальной школе, отстаивая министерские школы перед сторонниками церковно-приходских¹². От полемики же между «классиками» и сторонниками реального образования Шульгин воздерживался. Как опытный педагог, он указывал, что в разгаре полемики обе противоборствующие стороны довели свои аргументы до крайностей. По мнению Шульгина, истинное предназначение школы заключалось в получении общего образования. В этом смысле лучше было совсем обойтись без математики или древних языков, если они не служили этой цели. Вслед за московским консерватором Н. П. Гиляровым-Платоновым¹³ редактор «Киевлянина» настаивал на том, что дело обучения состоит не в программе учебных предметов и не в количестве часов, а в умении учить, поэтому сам спор Шульгин называл «бесплодными словопрениями», недоразумением¹⁴. Считая лучшим образцом средней школы общеобразовательную гимназию по уставу 1828 г., Шульгин заявил, что редакция «Киевлянина» воздерживается от участия в полемике двух враждебных лагерей ввиду «страстной односторонности той и другой стороны», из-за которой поплотятся будущие поколения¹⁵.

После смерти в 1878 г. В. Я. Шульгина его преемник Д. И. Пихно заявил, что «Киевлянин» останется верен принципам, высказанным своим основателем¹⁶. Особенно отчетливо преемственность позиции проявилась в вопросах школьного образования. Молодой редактор указывал, что обучение детей в городе поставлено лучше, чем в селе, а причиной этого было непонимание крестьянами значения школьных знаний. И хотя для всеобщего начального образования еще не было соз-

⁹ Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000.

¹⁰ Ivanov A. A., Kotov A. E., Yanchenko D. G., Ovsianikov D. V. Ukrainian question in the Russian conservative thought. The end of XIX — early XX century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43, issue 1. P. 129–138.

¹¹ Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова. С. 306–506.

¹² Федоров Д. А. Публицистика газеты «Киевлянин» о проблемах начального школьного образования в Юго-Западном крае (60–70-е гг. XIX в.) // *Вестник МГПУ. Исторические науки*. 2022. № 4 (48). С. 111–121.

¹³ Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов. СПб., 2018.

¹⁴ Спор между классиками и реалистами // *Киевлянин*. 1871. № 53. 6 мая. С. 1.

¹⁵ Передова статья // *Киевлянин*. 1871. № 83. 15 июля. С. 1.

¹⁶ Федоров Д. А. Дмитрий Иванович Пихно — редактор-издатель газеты «Киевлянин» (1879–1913 гг.) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17, № 4. С. 157–167.

дано необходимых условий, Пихно настаивал — именно оно способно сдвинуть с места дело народного просвещения¹⁷.

При этом Пихно отмечал важность школы именно в западных губерниях. Местному малорусскому крестьянству, сильному своей «громадной численностью», но слабому образованностью, было сложно противостоять «польскому и еврейскому элементу». Во многом поэтому, как утверждал автор, последние «элементы» смогли занять «первенствующее» положение в крае. Успех «располячивания» западных окраин в первые годы после восстания 1863 г. в разных сферах был различным. Меньше всего внимания, по мнению редактора «Киевлянина», было уделено одной из «могущественных сил» — школе. Даже в ближайших (и не вызывавших в то время сомнения в своей русскости) Черниговской и Полтавской губерниях для начального образования было сделано больше, чем в юго-западных. Подобный результат Пихно объяснял деятельностью в этих двух губерниях земства, а также особым значением духовенства в Юго-Западном крае. Идея привлечения священников к школьному обучению, по мнению публициста, оказалась ошибочной. Церковно-приходские школы не только не принесли пользы, но и повредили делу образования, даже с учетом того, что в действительности имелись только немногочисленные министерские школы, а тысячи церковно-приходских существовали лишь на бумаге¹⁸. Большинство церковных школ не имело средств на их содержание, подготовленных учителей и возможности достигнуть даже «механической выучки» детей в чтении. Прискорбные итоги продолжительного противостояния между духовным и учебным ведомствами убедили редакцию киевской газеты в том, что церковные школы должны находиться под контролем Министерства просвещения и местной администрации: «Много времени потеряно безвозвратно, целые поколения выросли в прежней темноте, но с тем большей энергией нужно взяться за это дело теперь»¹⁹. Пихно считал, что создание обязательной и доступной начальной школы составляет главную задачу «русского дела» в крае.

Однако его позиция вступила в противоречие с новыми тенденциями в государственной политике. 13 июня 1884 г. Александр III утвердил «Правила о церковно-приходских школах», долженствующих передавать крестьянским детям «православное учение веры и нравственности христианской»²⁰. Особенно широкое распространение церковные школы получили в юго-западных губерниях, где изначально было сравнительно немного министерских школ. Однако несмотря на постоянные усилия К. П. Победоносцева по выделению все новых и новых ассигнований именно на церковно-приходские школы, их состояние оставляло желать лучшего²¹.

Проблема шаткого положения церковных школ постоянно обсуждалась в «Киевлянине». Редактор киевской газеты часто обращал внимание на материальные затруднения сельских священников²² и крайне убогую обстановку открываемых

¹⁷ Народные училища в Киевской губернии в 1878 г. // Киевлянин. 1879. № 85. 19 июля. С. 1.

¹⁸ Передовая статья // Киевлянин. 1880. № 107. 13 мая. С. 1.

¹⁹ Народная школа и русское дело в нашем крае // Киевлянин. 1879. № 147. 11 декабря. С. 1.

²⁰ Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. IV. № 2318. СПб., 1887. С. 372–373.

²¹ Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884–1909 гг.). СПб., 1909. С. 509, 520.

²² Положение духовенства в России // Киевлянин. 1900. № 9. 9 января. С. 3.

ими школ²³. Пихно считал, что только при правильной организации церковно-приходские школы могут быть полезны²⁴, не возражал он и против участия в деле начального обучения духовного ведомства²⁵. Тем не менее редактору «Киевлянина» не представлялось возможным ввести назначение на учительские места священников в качестве общего правила²⁶. Пихно считал, что начальная школа хоть и близка к церкви, но все же является светским учреждением²⁷.

Позиция редакции в этом отношении вполне совпадала с позицией киевского генерал-губернатора и руководства учебного округа, также считавших, что решающим условием дальнейшего развития начального образования в крае может стать только расширение сети министерских школ²⁸. В отчете министру народного просвещения И. Д. Деянову попечитель округа В. В. Вельяминов-Зернов сообщал, что к 1 января 1896 г. в крае было 795 министерских школ. Немногочисленность школ этого типа попечитель называл «прискорбным явлением», особенно там, где школа служила целям слияния в одну русскую народность разных «вероисповедных элементов». Эти задачи, как он полагал, могли быть решены только министерской школой, поскольку церковно-приходские не способны привлечь иноверцев, составлявших 18 % жителей края. Более обеспеченные финансированием и кадрами «министерские» школы представляли большую опасность для польско-католической пропаганды, чем церковно-приходские²⁹, а также пользовались сочувствием местного населения³⁰.

Мнение попечителя поддерживал генерал-губернатор А. П. Игнатъев. В отчете императору Николаю II, вступившему на престол в 1894 г., Игнатъев докладывал, что одной из главных особенностей Юго-Западного края является наличие значительного количества неправославного населения. Конфессиональная принадлежность в этих условиях становилась силой, поддерживавшей стремление к обособленности. Генерал-губернатор считал, что ключевую роль в борьбе с подобной замкнутостью должна играть министерская, а не церковно-приходская школа. Поэтому Игнатъев настаивал на увеличении количества именно этих школ, несмотря на траты Казначейства и земского сбора³¹. Николай II удостоил мнение генерал-губернатора комментарием: «Справедливо»³².

²³ Церковно-приходские школы в Киевской губ. // Киевлянин. 1896. № 124. 5 мая. С. 1–2.

²⁴ Церковно-приходская школа // Киевлянин. 1885. № 112. 24 мая. С. 2.

²⁵ Некоторые вопросы народного образования (II) // Киевлянин. 1898. № 62. 3 марта. С. 2.

²⁶ Народная школа и духовенство // Киевлянин. 1887. № 193. 6 сентября. С. 1–2.

²⁷ Народная школа и духовенство (II) // Киевлянин. 1887. № 195. 10 сентября. С. 1.

²⁸ Например, см.: Киевский учебный округ в 1895 г. (V) // Киевлянин. 1896. № 249. 9 сентября. С. 2–3; Церковно-приходские школы Киевской епархии в 1895–96 г. // Киевлянин. 1897. № 105. 17 апреля. С. 3.

²⁹ Наши учебные заведения: средние и низшие школы Киевского учебного округа в 1893 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 10. С. 66.

³⁰ Наши учебные заведения: средние и низшие школы Киевского учебного округа в 1896 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. № 12. С. 77, 80.

³¹ Всеподданейший отчет киевского, подольского и волынского генерал-губернатора за 1889–1893 гг. // Всеподданейший отчет киевского, подольского и волынского ген.-губернатора (1885–93 гг.). [Б. м., б. г.] С. 2–7, 15–17.

³² Дело о пособии на нужды начального образования из сумм земского сбора в губерниях Юго-Западного края на трехлетие с 1902 по 1904 годы // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 172. Д. 1636. Л. 3.

Столь ясно выраженное одобрение побудило Вельяминова-Зернова приступить к расширению сети министерских школ. С этой целью в октябре 1895 г. попечитель обратился к генерал-губернатору Игнатьеву с ходатайством об ассигновании земских средств для устройства школ учебного ведомства в юго-западных губерниях. Относясь с пониманием к сделанному предложению, Игнатьев сообщил об этом министру внутренних дел И. Л. Горемыкину. И хотя Горемыкин уведомил министра народного просвещения И. Д. Делянова, что с его стороны не будет препятствий к намерению попечителя использовать средства земского сбора, после совещания с министром финансов С. Ю. Витте он отклонил поданное ходатайство³³.

Причиной такого решения стала личная убежденность Витте в исключительной пользе церковно-приходских школ для нужд народной грамотности. Сергей Юльевич активно оказывал поддержку их главному идеологу К. П. Победоносцеву. Именно тогда, когда Витте занимал пост министра финансов, ассигнования церковным школам значительно возросли³⁴; поэтому весьма примечательным кажется последовавший вскоре категорический отказ волынскому губернатору Ф. Ф. Трепову предоставить кредит местным министерским школам из сумм земского сбора³⁵.

Подобный взгляд главы Министерства финансов во многом повлиял на то, что руководство Киевского учебного округа в дальнейшем затруднялось возбуждать новые ходатайства о выделении дополнительных средств школам учебного ведомства. По этой причине в 1895 г. в Юго-Западном крае была открыта всего одна министерская школа, а в 1896 г. — пять. В 1898 г. количество открываемых школ увеличилось до 27, в 1899 г. их стало 28, в 1900 г. — 59³⁶. Такие цифры были совершенно недостаточными для многомиллионного населения края, а потому к началу 1902 г. в 104 волостях из 560 не было ни одной министерской школы. Всех школ учебного ведомства к тому моменту было 950, при этом число желающих поступить в эти школы росло гораздо быстрее, чем количество самих школ. Следствием этого стало переполнение классов учащимися. Случаи отказа в приеме детей из-за отсутствия мест стали обычным явлением.

Во многом поэтому кризисное состояние начального образования в Юго-Западном крае газета «Киевлянин» прежде всего связывала с недостаточным количеством министерских школ, в то время как церковно-приходские, по мнению редакции, либо существовали только на бумаге, либо пребывали в плачевном состоянии³⁷. Пихно исходил из убеждения, что «прозябающая» церковная школа не обладает никакими преимуществами перед более обеспеченными и достигшими реальных результатов в деле начального образования школами учебного ведомства³⁸. Пихно подчеркивал, что инспектора народных училищ свидетельствовали о единодушном сочувствии населения края министерским школам, не говоря о том, что сельские общества часто рядом с церковной школой просили открыть и министерскую³⁹. Однако в большинстве уездов края из-за сопротивления духовенства и ограни-

³³ Там же. Л. 3–5.

³⁴ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: в 2 т. Т. 1, кн. 1. СПб., 2003. С. 375.

³⁵ Дело о пособии на нужды начального образования из сумм земского сбора в губерниях Юго-Западного края на трехлетие с 1902 по 1904 годы // РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 1636. Л. 5 об. — 6.

³⁶ Там же. Л. 253 об., 255.

³⁷ Народные училища Киевского учебного округа (I) // Киевлянин. 1888. № 55. 11 марта. С. 1.

³⁸ Передовая статья // Киевлянин. 1894. № 202. 24 июля. С. 1.

³⁹ Народные училища Киевского учебного округа (I) // Киевлянин. 1889. № 124. 9 июня. С. 1.

ченности средств число министерских школ не только не увеличивалось, но даже уменьшалось за счет естественного прироста населения. К 1 января 1895 г. в Киевской губернии одна сельская школа приходилась на 20 622 чел., в Подольской — на 9613, в Волынской — на 8346, а в значительном числе волостей не было ни одной министерской школы. Недостаточное число школ учебного ведомства представлялось на страницах «Киевлянина» недопустимым для Юго-Западного края, где насильственное насаждение православным духовенством своих школ лишь отталкивало многочисленное инославное и иноверное население. Обращая внимание читателя в том числе и на легкомысленное отношение священников к школьному делу⁴⁰, Пихно предупреждал, что необходимо поддерживать те школы, которым доверяет местное население, то есть министерские, а не церковно-приходские⁴¹, и призывал не останавливаться перед затратами из средств Государственного казначейства⁴².

При таких условиях открытия министерских школ и совершенном несоответствии своему назначению школ духовного ведомства, редактор «Киевлянина» обращал внимание не только на слабое распространение грамоты, но и на повсеместное распространение «рецидива безграмотности». Сам факт существования подобного «рецидива», по мнению Пихно, служил печальным свидетельством необходимости открытия широкого доступа населению к знаниям и поднятия общего интеллектуального развития⁴³.

К началу 1900-х гг. Пихно все более убеждается в «вопиющей нищете просветительных средств»⁴⁴. Неудовлетворительное состояние школьного дела повлияло на отношение редактора «Киевлянина» к идее введения всеобщего обязательного начального образования. Он считал, что в настоящий момент вводить обязательное обучение немислимо, пока имеющиеся немногочисленные школы переполнены и отказывают детям из-за недостатка мест⁴⁵, а потому нельзя заставить ходить в школу, которой нет⁴⁶. Тем не менее Пихно по-прежнему считал всеобщее обучение делом экономической и политической необходимости⁴⁷. При этом в деле осуществления этой задачи Пихно придавал особое значение не только министерским, но и земским школам⁴⁸. Именно среди земств определилось желание насаждать школьное обучение для борьбы с безграмотностью, что являлось достаточным оправданием земской школьной деятельности⁴⁹.

Таким образом, последовательная позиция Пихно выразилась в настойчивых требованиях поддержки правительством и обществом народного стремления к образованию. Вольно цитируя (разумеется, без указания авторства) известное изречение нигилистического классика⁵⁰, редактор консервативной газеты писал: «Если

⁴⁰ Некоторые данные из отчета о состоянии церковно-приходских школ Киевской епархии в 1887/88 учебном году // Киевлянин. 1888. № 238. 3 ноября. С. 2.

⁴¹ Народные школы в Киевском учебном округе (III) // Киевлянин. 1895. № 220. 11 августа. С. 2.

⁴² Народные школы в Киевском учебном округе (I) // Киевлянин. 1895. № 215. 6 августа. С. 2.

⁴³ Рецидив безграмотности (II) // Киевлянин. 1894. № 243. 3 сентября. С. 2.

⁴⁴ Киевский учебный округ в 1899 г. (VI) // Киевлянин. 1900. № 332. 30 ноября. С. 2.

⁴⁵ Обязательное народное обучение и стоимость его // Киевлянин. 1894. № 225. 16 августа. С. 2; Рецидив безграмотности (I) // Киевлянин. 1894. № 241. 1 сентября. С. 2.

⁴⁶ Доступность начальной школы в России (I) // Киевлянин. 1904. № 90. 1 апреля. С. 2.

⁴⁷ Передовая статья // Киевлянин. 1904. № 215. 5 августа. С. 1.

⁴⁸ Итоги прошлого года (I) // Киевлянин. 1899. № 1. 1 января. С. 2.

⁴⁹ Школьный вопрос (II) // Там же. № 121. 3 мая. С. 2.

⁵⁰ Писарев Д. И. Реалисты // Писарев Д. И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л., 1981. С. 7.

верен афоризм, что мы глупы, потому что бедны, то не менее верен и другой, гласящий, что мы бедны, потому что глупы. Работа на почве просвещения народа дает возможность выйти из заколдованного круга, являющегося результатом сопоставления этих двух афоризмов, дает возможность разрешить задачу в сторону уменьшения бедности путем увеличения ума»⁵¹. При этом Пихно по-прежнему повторял, что цели начального образования не могут быть достигнуты в школах духовного ведомства, считал наиболее подходящими для этого «министерские» школы⁵². Впрочем, и по отношению к политике самого министерства редакция проявляла все большую самостоятельность. Неслучайно в августе 1887 г. Главное управление по делам печати вынуждено было пресечь неуместные рассуждения о знаменитом делянском циркуляре⁵³.

Однако куда более значимым в 1880-е гг. вновь стал университетский вопрос. К началу 1880-х гг. студенчество Киевского университета, несмотря на строгий запрет любых объединений, продолжало состоять из многочисленных партий и землячеств. Тайные студенческие организации по-прежнему существовали (кассы, столовые и т. д.). Студенты понимали значение корпоративной солидарности, поскольку количество стипендий и пособий было ограничено⁵⁴, в то время как взаимная материальная помощь, необходимость общения и досуга для большинства обучающихся были насущной и объективной необходимостью. Она могла быть удовлетворена исключительно посредством организации кружков самообразования, благотворительных спектаклей и т. д.⁵⁵ Выступления студентов Киевского университета вплоть до конца XIX в. не имели политического характера. Современники отмечали, что в то время университетская жизнь в Киеве протекала в «мертвящей атмосфере» общественного «застоя»⁵⁶, что общее настроение было вялое, апатичное⁵⁷ (впрочем, не сильно отличаясь от общерусской общественной атмосферы того периода). Общестуденческих организаций еще не существовало. Студенты делились либо на совершенно равнодушных к университетским делам и студенческому движению, либо на явных «реакционеров». Среди них выделялись лишь студенты-академисты — непосредственные участники волнений (направленных только на защиту студенческих организаций), а также поляки — традиционно противопоставлявшие «царскому деспотизму» свои сепаратистские стремления⁵⁸.

⁵¹ Фальшивая тревога // Киевлянин. 1895. № 293. 23 октября. С. 2.

⁵² Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XV. Киевская губерния. СПб., 1903. С. 601.

⁵³ Дело об издании газеты «Киевлянин» // РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 24–25.

⁵⁴ По подсчетам ректора университета Н. Х. Бунге, помимо 39 стипендий и освобождения от платы за обучение, сумма получаемых пособий составляла 12 000 руб., что позволяло обеспечить 74 студента. Однако число нуждающихся студентов значительно превышало эту цифру. См.: Бунге Н. Х. Способы к устранению нужды между студентами Университета Св. Владимира // Киевлянин. 1880. № 63. 16 марта. С. 1–2.

⁵⁵ Книжник-Ветров И. С. «Записки восьмидесятилетнего». Ч. 1. Киевский университет в 1897–1902 гг. Черновые матер[иалы] к работе // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 352. Д. 161. Л. 113.

⁵⁶ Василенко К. П. К истории студенческого движения в Киеве. (Из воспоминаний о 1890-х годах). Копия с поправками [автора]. Март 1922 г. // РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 41. Л. 7.

⁵⁷ Романович-Словатинский А. В. Моя жизнь и академическая деятельность (1832–1884 гг.). Воспоминания и заметки // Вестник Европы. 1903. № 6. С. 501–502.

⁵⁸ Книжник-Ветров И. С. «Записки восьмидесятилетнего». Ч. 1.2. Киевский университет. Материалы к работе // ОР РНБ. Ф. 352. Д. 160. Л. 15, 36.

В этих условиях волнения могли начаться не столько по политическим причинам, сколько из-за ограничения корпоративной жизни студенчества. Поводом послужило утверждение 26 октября 1879 г. «Временной инструкции», согласно которой университетскому инспектору поручалось наблюдать за всеми передвижениями и учебой каждого студента. 29 октября вслед за «Инструкцией» были опубликованы «Правила», объявившие, что студенты не составляют особой корпорации, а потому запрещаются любые коллективные действия и студенческие организации⁵⁹. Это стало поводом для сходки, которая привлекла внимание попечителя и проректора, убеждавших студентов разойтись. Но и сами студенты, вспоминая недавние волнения с последующим отчислением и ссылкой, по первому требованию стремительно удалялись, несмотря на просьбы отдельных товарищей остаться. Лишь некоторые студенты решили продолжать протест⁶⁰.

Однако студенческие волнения начались не только в Киеве, но и в других университетских городах (Казани, Москве, Петербурге). Теперь к требованиям академических свобод прибавилось еще одно — уничтожение инспекции. При этом новые «Правила» вызывали неприятие и у большей части профессоров, а также самих университетских властей⁶¹. Требования «Инструкции» по чрезмерно строгому контролю практически не исполнялись ни студентами, ни самой инспекцией⁶². 17 октября 1880 г. студенты Киевского университета в докладной записке министру народного просвещения требовали разрешить студенческие организации и отменить «Правила»⁶³. Свое ходатайство студенты еще раз направляют в январе 1881 г. на имя попечителя учебного округа с ходатайством разрешить кассу, столовую, читальню и библиотеку⁶⁴.

Неэффективность репрессий, а также непрекращающиеся волнения студентов привели к некоторому пересмотру правительственной политики. 31 января 1881 г. министр народного просвещения А. А. Сабуров внес в Государственный совет проект нового устройства инспекции, а уже 18 февраля «Правила» и «Инструкция» были отменены. 24 марта Сабурова сменил А. П. Николаи, по представлению которого было восстановлено действие устава 1863 г.⁶⁵

Меры, предпринятые для успокоения студенчества, были с одобрением встречены редактором «Киевлянина». Еще будучи студентом, Пихно стремился увлечь сверстников исключительно наукой, а не политикой. Это стремление отличало

⁵⁹ Мнение правления университета и попечителя Киевского учебного округа о временной инструкции для инспекции за студентами и правилах для студентов // ОР РНБ. Ф. 600. Д. 1304. Л. 2–8 об.

⁶⁰ Выписки из писем Антоновича П., Сапожникова А. и др. к графу Толстому Д. А., Зубовичу П. О. и др. о волнениях студентов Киевского университета, в связи со введением новых университетских правил [устава], об уходе в отставку профессоров университета в знак протеста против введения правил и др. // ГАРФ. Ф. 109 (С/А). Оп. 1а. Д. 1194. Л. 10, 14–15.

⁶¹ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб., 1902. С. 610.

⁶² *Георгиевский А. И.* Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. С. 41, 44.

⁶³ Докладная записка студентов университета управляющему Министерством народного просвещения о своих требованиях // ОР РНБ. Ф. 600. Д. 1305. Л. 1–2 об.

⁶⁴ Департамент народного просвещения. Записка для памяти о петиции студентов Киевского университета о студенческих учреждениях // РГИА. Ф. 733. Оп. 200. Д. 6. Л. 1.

⁶⁵ *Рождественский С. В.* Исторический обзор... С. 611–612.

деятельность Пихно как преподавателя во все последующие годы⁶⁶. Пихно одним из первых предложил организовать группу студентов-«националистов», отстаивающих лозунг «университет для науки»⁶⁷. Кроме того, и на своих лекциях Пихно также давал понять, что студентам в университете следовало прежде всего изучать интересующий предмет и расширять кругозор⁶⁸. Пихно считал, что университет — не место для политических дебатов. Путем воспитания в молодом поколении чувства уважения к научным знаниям университет в первую очередь являлся проводником просвещения и духовного единения образованных людей⁶⁹. Именно университет, как интеллектуальный центр края, оказывал сильное влияние на своих воспитанников⁷⁰. Во многом поэтому, придерживаясь вполне консервативных взглядов, Пихно, тем не менее, на своих практических занятиях, предоставлял студентам полную свободу слова, что, по отзывам самих обучающихся, делало эти занятия весьма интересными⁷¹. Благодаря своей увлеченности наукой, Пихно пользовался уважением и «левой» части студентов⁷², и тех, кто активно читал газету «Киевлянин», в которой не только порицались студенческие волнения, но и требовалось усиление надзора за учащимися⁷³.

При этом Пихно отмечал, что, несмотря на подтверждение устава 1863 г., недовольство общества университетскими порядками не ослабло. Готовя почву для университетской «контрреформы» 1884 г., консервативная печать во главе с М. Н. Катковым возобновила прерванную в 1870-х гг. кампанию против университетской автономии⁷⁴. Однако в консервативном лагере по данному вопросу не было единого мнения. Так, против инспирированного Катковым⁷⁵ толстовского проекта выступил К. П. Победоносцев⁷⁶. В этих условиях Пихно прямо высказался в защиту самоуправления, которую называл главной заслугой действующего устава. Он считал, что деятельность высшей школы не может быть регламентирована. Редактор «Киевлянина» соглашался с тем, что университетское преподавание нуждается в контроле, прежде всего в допущении исключительно способных лиц к должности профессора, но первоочередное право высказаться о претенденте должна иметь

⁶⁶ Билимович А. Д. Памяти Д. И. Пихно // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 12. С. 76.

⁶⁷ Дело. Василенко К. П. К истории студенческого движения в Киеве (Из воспоминаний о 1890-х годах). Копия с поправками [автора]. Март 1922 г. // РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 41. Л. 38.

⁶⁸ Романов В. Ф. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции 1874–1920 гг.). СПб., 2019. С. 80.

⁶⁹ Д. П. (Пихно Д. И.). Передовая статья // Киевлянин. 1884. № 200. 8 сентября. С. 2.

⁷⁰ Передовая статья // Киевлянин. 1884. № 202. 12 сентября. С. 1.

⁷¹ Шульгин В. В. «Сахар», «Мука», «Мед». Воспоминания. Часть II. «Мука» // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 4. Д. 58. Л. 53 об.

⁷² Романов В. Ф. Старорежимный чиновник... С. 79.

⁷³ Киевский университет. Документы и материалы. 1834–1984. Киев, 1984. С. 49.

⁷⁴ Более подробно о подготовке университетской контрреформы 1884 г. см.: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 319–329; Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 113–143; Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова... С. 91–134; Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017. С. 416–429.

⁷⁵ См., например: Передовая статья // Московские ведомости. 1882. № 182. 3 июля. С. 2; Передовая статья // Там же. № 220. 10 августа. С. 2; Передовая статья // Там же. № 225. 15 августа. С. 2–3.

⁷⁶ Новиков М. В., Перфильева Т. Б. «Университетский вопрос» в 1866–1884 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1, т. 1. С. 22–33. С. 30.

профессорская коллегия, а не администрация⁷⁷. Университетские советы, писал Пихно, могут ошибаться, но другое учреждение будет ошибаться гораздо чаще⁷⁸.

Не соглашался Пихно и с утверждениями московского «громовержца» по поводу несостоятельности основных положений устава 1863 г. Катков настойчиво повторял, что до настоящего времени студенты подвергались влиянию «злумышленной пропаганды», несмотря на надзор автономных университетских властей⁷⁹, что в университетах установились «интрига и беспорядок»⁸⁰. Редактор московской газеты считал, что существующий устав допускает к профессорскому званию бездарностей путем кумовства в «самоуправных» университетах, которые заставляют студентов «вызубривать вздор». В то же время Катков подчеркивал преимущества немецкой практики назначения профессоров правительством, которая позволяет притягивать в университеты Германии лучшие научные силы⁸¹. Пихно, в свою очередь, отмечал, что и среди германских профессоров есть бездарности, а главное отличие русских университетов от немецких — в том, что в России есть университетская наука, но нет общественного воспитания⁸², то есть высокой культуры общества. Поэтому едва ли, рассуждал Пихно, резкие отзывы «Московских ведомостей» об университетских порядках могли содействовать улучшению положения. К университетам было много нареканий, но их нельзя винить за всеобщую «смуту умов», которая и стала причиной волнений. Университеты, являясь частью общества, находились под его влиянием и не могли противодействовать вредным течениям. Ведь не университеты вырастили Н. Г. Чернышевского и других нигилистов, убивающих в молодежи уважение к науке. Нельзя обвинять и студентов, так как среди общего смятения старшего поколения младшее также терялось, но в более резкой форме. И все же большинство учащихся стремилось сохранять спокойствие и избегало беспорядков⁸³. Предвзятость Каткова не позволяла понять, что кроме столичных остальные университеты доказали свою «разумную консервативную силу, притом силу стойкую». По мнению Пихно, устав 1863 г. требовал некоторых изменений, но университеты тем не менее есть сила, которую нужно беречь, а не угнетать, как это делает Катков⁸⁴.

Единственным, в чем взгляды двух публицистов совпадали, было безусловное осуждение студенческих беспорядков. Поэтому, когда стало известно о волнениях с последующим исключением студентов, Пихно признавал, что наказание могло быть гораздо тяжелее, если бы к студентам был применен закон по всей строгости. Он писал: «Да послужит этот тяжкий урок предостережением для всех студентов всех университетов. Подобные беспорядки всегда и везде нетерпимы, а в настоящее время в особенности. Неужели этого не могут понять студенты, между которыми немало совершеннолетних, не говоря уже о том, что все они должны считаться образованными молодыми людьми»⁸⁵. И хотя начало брожения указывало на несо-

⁷⁷ Пихно Д. И. К университетскому вопросу // Киевлянин. 1882. № 52. 9 марта. С. 1.

⁷⁸ Передовая статья // Там же. № 260. 23 ноября. С. 1.

⁷⁹ Передовая статья // Московские ведомости. 1882. № 258. 17 сентября. С. 2.

⁸⁰ Передовая статья // Там же. № 315. 13 ноября. С. 2.

⁸¹ Передовая статья // Там же. № 225. 15 августа. С. 2–3.

⁸² По поводу студенческих беспорядков // Киевлянин. 1882. № 260. 23 ноября. С. 1.

⁸³ Передовая статья // Киевлянин. 1883. № 11. 11 января. С. 1.

⁸⁴ К университетскому вопросу // Киевлянин. 1882. № 184. 20 августа. С. 1.

⁸⁵ Передовая статья // Там же. № 256. 18 ноября. С. 1.

стоятельность норм устава 1863 г., освободившего студентов от всякого контроля, Пихно подчеркивал, что волнения производились меньшинством, а остальные студенты не только не участвовали в них, но и противодействовали им⁸⁶.

По этой причине, когда в Киевском университете после принятия нового Университетского устава (15 августа 1884 г.) начались студенческие беспорядки⁸⁷, Пихно принялся критиковать «происшествия» как противоречащие высокому призванию высшей школы. Как известно, последствием волнений стало закрытие университета и отчисление всех студентов⁸⁸, однако Пихно уверял, что подобные меры были необходимы. Он утверждал, что во время массовых волнений, когда нельзя определить виновных, нужно действовать против всех или отказаться от всякого действия, что окончательно деморализует университет и студентов. Многие невинные были отчислены, но они должны понять, что пострадали не от учебного начальства или правительства, а от «революционной шайки», которая ради своих целей фактически принесла студентов в жертву. Правительство прибегло к закрытию университета, потому что это было единственно возможной мерой в сложившейся ситуации, продолжал рассуждать Пихно, поэтому все усилия власти и общества должны быть направлены не на ужесточение, а на облегчение переживаемого университетом кризиса. Если принятые меры будут способствовать этому, то университет выйдет из «тяжкой болезни». В противном случае дальнейшее существование университета станет проблематичным⁸⁹.

Закрытие Киевского университета непосредственным образом отразилось на положении студентов. В донесении университетского начальства министру народного просвещения И. Д. Деянову сообщалось, что «обнародованное распоряжение произвело сильное впечатление на студентов, которые, имея в виду снисходительность взысканий, назначавшихся в течение многих лет, даже в случаях весьма серьезных нарушений университетской дисциплины и порядка, не ожидали столь строгого наказания и, в особенности, закрытия университета по 1 января 1885 г.»⁹⁰.

В условиях наступившей «реакции», когда наиболее прогрессивная часть студенчества была отчислена, правительство могло без всякого сопротивления проводить в Киевском университете ограничения нового устава, традиционно рассматриваемого как один из важнейших актов университетской «контрреформы». Студенческие организации и сходки были вновь запрещены. Для удобства контроля была введена студенческая форма⁹¹. В 1887 г. Министерство просвещения увеличило плату в пользу университета с 5 до 25 руб. для ограничения приема студентов. Опасаясь очередного закрытия университета, студенты стали с большей осторожностью относиться к совместным выступлениям, и беспорядки 1887 г., связанные

⁸⁶ Студент. Письмо студентов // Там же. № 269. 3 декабря. С. 1.

⁸⁷ 8 сентября 1884 г. во время празднования юбилея 50-летия Киевского университета в знак протеста против нового университетского устава студенты устроили уличный митинг и разгромили дом ректора Н. К. Ренненкампа. 14 сентября по распоряжению правительства университет был закрыт до 1 января 1885 г. Все студенты объявлялись отчисленными, некоторые из них подверглись аресту и ссылке.

⁸⁸ Часть официальная // Киевлянин. 1884. № 218. 4 октября. С. 1.

⁸⁹ Передовая статья // Киевлянин. 1884. № 234. 24 октября. С. 1.

⁹⁰ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1887. № 10. С. 824.

⁹¹ Киевлянин. 1885. № 121. 4 июня. С. 2.

с «брызгаловской историей», обошли Киевский университет стороной⁹². С 28 сентября по 7 октября 1888 г., во время пребывания в Киеве И. Д. Делянова, были получены сведения, что студенты Новороссийского университета волнуются и ожидают приезда министра, чтобы произвести демонстрацию. И хотя в Киевский университет также были направлены воззвания к протесту, студенты не проявили признаков беспокойства⁹³. Бездействовали киевские студенты и во время студенческих беспорядков 1890 г.⁹⁴

Лишь после кончины Александра III в 1894 г. среди студенчества Киевского университета усилились протестные настроения на собственно политической почве. Первым открытым выступлением студентов после длительного застоя 1880-х — первой половины 1890-х стала «ветровская» демонстрация 18–19 марта 1897 г. Именно в том году киевское студенчество отходит от защиты сугубо академических интересов и проникается политическими мотивами⁹⁵.

Однако затишье рубежа 1880-х и 1890-х гг. не уменьшило беспокойства редакции «Киевлянина». Стремление власти ужесточить надзор за студентами дало скорее обратный эффект и обернулось новыми, более масштабными волнениями практически во всех высших учебных заведениях, кроме Киевского университета. Во многом поэтому Пихно постепенно переходит к систематической критике устава 1884 г.⁹⁶ Возможность подведения итогов всей университетской политики последних лет редактор предоставил профессору Киевского университета Ю. А. Кулаковскому, напечатав цикл его статей «Гонорарий в русских университетах» (позднее изданный отдельной брошюрой). Кулаковский утверждал, что составленный в 1884 г. устав обещал приблизить русские университеты к благам академической свободы университетов Германии. Но обещание оказалось неосуществимым, так как академическая свобода в немецких университетах была основана на множестве условий, которые существовали только в Германии. В итоге составители устава отказались от первоначальной идеи и сами внесли то, что подорвало возможность введения в России германских университетских порядков, поэтому атмосфера в русских университетах не имела ничего общего с германской академической свободой. Немецкий студент был свободным гражданином «ученой республики» — университета, русский же студент был во всем зависим, ему был предписан учебный план, экзамены и пр. Констатируя полную несовместимость университетских порядков в русских университетах с немецкими, Кулаковский признавал, что в России в настоящий момент было невозможно водворить принцип академической свободы, от которого ожидали окончательного «уврачевания» главных недостатков и послед-

⁹² Георгиевский А. И. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. С. 227.

⁹³ Ежедневные донесения гражданского губернатора о происшествиях в Киевской губернии // РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 198. Л. 137–137 об.

⁹⁴ Василенко К. П. К истории студенческого движения в Киеве. (Из воспоминаний о 1890-х годах) // РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 41. Л. 8.

⁹⁵ Там же. Л. 7, 21.

⁹⁶ Примером могут стать статьи как о гонорарной системе, так и о деятельности особых государственных комиссий, которым поручалась аттестация студентов. См.: Киевлянин. 1890. № 8. 11 января. С. 2; К университетскому вопросу // Киевлянин. 1892. № 332. 30 ноября. С. 1; К статистике нашего высшего образования // Киевлянин. 1893. № 43. 12 февраля. С. 1.

ствий устава 1863 г., в том числе, по-видимому, и ключевого из них, «студенческого» вопроса, о котором, впрочем, прямо Юлиан Андреевич не упоминал⁹⁷.

Таким образом, следуя за столичными «флагманами» журналистики «русского направления» — сначала катковскими «Московскими ведомостями», а затем суворинским «Новым временем» — в национальном и ряде других политических вопросов, в самом принципиальном вопросе — образовательном — «Киевлянин» проявлял значительную степень самостоятельности и даже либерализма. Последнее было не только следствием личных качеств и предпочтений основателя газеты и его преемников. Публицистика «Киевлянина» отражала воззрения сформировавшегося в пореформенном Киеве круга русской националистической интеллигенции, сумевшего помочь власти решить задачу «деполонизации» Юго-Западного края, но сыгравшего важную роль в последующих великих потрясениях.

References

- Ivanov A. A., Kotov A. E., Yanchenko D. G., Ovsjannikov D. V. Ukrainian question in the Russian conservative thought. The end of XIX — early XX century. *Bylye Gody*, 2017, vol. 43, issue 1, pp. 129–138. (In Russian)
- Kotov A. E. The Problem of Nihilism in the Conservative-Democratic Discourse of the 1860s–1890s. *Bylye Gody*, 2019, vol. 52, issue 2, pp. 695–701. (In Russian)
- Dmitriev A. P. *N. P. Giliarov-Platonov i russkaia literatura 1850–1880-kh godov*. St. Petersburg, Rodnik Publ., 2018, 912 p. (In Russian)
- Zaionchkovskii P. A. *Rossiiskoe samodержavie v kontse XIX stoletia (politicheskaia reaktsiia 80-kh — nachala 90-kh godov)*. Moscow, Mysl' Publ., 1970, 444 p. (In Russian)
- Kotov A. E. “Tsarskii put’” *Mikhaila Katkova: Ideologiya biurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoi publitsistike 1860–1890-kh godov*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2016, 487 p. (In Russian)
- Miller A. I. “Ukrainskii vopros” v politike vlastei i ruskom obshchestvennom mnenii (vtoraia polovina XIX veka). St. Petersburg, Aletheia Publ., 2000, 267 p. (In Russian)
- Natsional'nye okrainy v politike Rossiiskoi imperii i ruskoj obshchestvennoi mysli*, ed. by A. T. Urushadze. Rostov-na-Donu, Iuznyi Nauchnyi Tsentri Rossiiskoi Akademii Nauk Press, 2020, 608 p. (In Russian)
- Novikov M. V., Perfilova T. B. “Universitetskii vopros” v 1866–1884 gg. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2014, no. 1, vol. 1, pp. 22–33. (In Russian)
- Rostovtsev E. A. *Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)*. Moscow, Politicheskaja entsiklopediia Publ., 2017, 903 p. (In Russian)
- Smirnov V. Z. *Reforma nachal'noi i srednei shkoly v 60-kh godakh XIX v.* Moscow, Akademiia pedagogicheskikh nauk RSFSR Press, 1954, 310 p. (In Russian)
- Fedorov D. A. Dmitrii Ivanovich Pikhno — redaktor-izdatel' gazety “Kievlianin” (1879–1913 gg.). *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2021, vol. 17, no. 4, pp. 157–167. (In Russian)
- Fedorov D. A. Publitsistika gazety “Kievlianin” o problemakh nachal'nogo shkol'nogo obrazovaniia v Iugo-Zapadnom krae (60–70-e gg. XIX v.). *Vestnik MGPU, Istoricheskie nauki*, 2022, no. 4 (48), pp. 111–121. (In Russian)
- Shchetinina G. I. *Universitety v Rossii i ustav 1884 goda*. Moscow, Nauka Publ., 1976, 231 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 10 мая 2023 г.

Рекомендована к печати 17 июля 2023 г.

Received: May 10, 2023

Accepted: July 17, 2023

⁹⁷ Ю. К. [Кулаковский Ю. А.]. Гонорар в русских университетах (I) // Киевлянин. 1897. № 263. 23 сентября. С. 1–2.